

УДК 316.77

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «SMART POWER»: КРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

Аннотация

В данной статье «умная сила» рассматривается с феноменологических позиций, что позволяет выявить причины того, почему её концептуальное оформление в современной политологии заведомо является одномерным. Разбирается теория «центральных доминионов» К. Шмитта, которая позволяет вывести на первый план кратологический аспект «умной силы», за счёт чего становится возможной её дополнительная интерпретация в качестве «силы Ума».

Ключевые понятия:

феноменология, политическая онтология, «умная сила», «мягкая сила», центральные доминионы.

Несмотря на то, что термин «smart power» уже достаточно давно «взят на вооружение» различными политическими и дипломатическими экспертами, активно внедряется «истеблишментом» (по крайней мере, американским) во внешнеполитическую практику, теоретическое осмысление данного концепта по-прежнему не увенчалось его полноценным оформлением. В научно-исследовательских кругах дискуссия вокруг «smart power» ведётся преимущественно в том же ключе, что и дискуссия вокруг другого, схожего концепта, но приобретшего большую известность – «soft power».

Концепт «smart power» изначально задумывался авторами – политическим аналитиком Дж. Наем и представителем администрации президента США Р. Армитаджем – для решения конъюнктурных задач [8, с. 33–35]. Учитывая, что эти задачи были преимущественно связаны с преодолением издержек различных комбинаций «hard power» и «soft power» в стратегии внешней политики США, совсем не удивительно, что концептуализации

самой «smart power» уже изначально было предопределено следовать строго в фарватере оформления других, «старших» концептов [1].

Однако воспринимать «smart power» исключительно как «производную» от военной, экономической мощи и культурно-информационного потенциала государства чревато введением концепта в некие ограничительные рамки. В таком случае, методологический арсенал исследователя будет строго ограничен тем предметным полем, в котором объект исследования обретает своё значение. В связи с этим, в настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть «smart power» с феноменологической точки зрения, что позволит во многом переосмыслить природу того, что «скрывается» за этим концептом.

Учитывая, что один из наиболее ярких представителей-феноменологов XX в. немецкий философ Мартин Хайдеггер утверждал, что «феноменология возможна только как онтология» [6, р. 36], предметом данного исследования станет именно кратологический аспект «smart power», поскольку понятие «политической власти» (*κράτος*) является ключевым элементом политической онтологии. Заметим, что концепт «smart power» не впервые рассматривается через призму кратологического дискурса [3, с. 46–49]. Собственно феноменологическому вскрытию «smart power» может поспособствовать анализ трансформаций «центральных доминионов» (*central domains*), представленный немецким политическим философом К. Шмиттом в виде лекции в Барселоне в 1929 году. Полная версия этого доклада вошла в расширенное издание фундаментальной работы Шмитта «Понятие политического» (*“The Concept of Political”*) [7]¹.

В своей статье Шмитт декларировал оригинальный взгляд на историю Западной цивилизации, представив её через призму сменяющихся специфических «мировоззренческих парадигм». Основное отличие парадигмального подхода К. Шмитта от аналогичных теорий (например, теории Т. Куна о «научных революциях») заключается в том, что здесь «парадигмы», т. е. «центральные доминионы» (*central domains*), иллюстрируют скорее область Политического (*das Politische*), нежели некие гносеологические модели. Важно заметить, что понятие «доминиона» имеет составную природу. С одной стороны, «доминион» следует трактовать как «пространство» (сразу же следует оговориться, что это не пространство в его буквальном, территориальном понимании, а интеллектуальное «пространство мысли»). С другой стороны, сводить понятие «доминиона» исключительно к нейтральной области некоего общего «знания» было бы также неправильно, так как в таком случае будет потерян второй смысловой компонент – а именно «власть», которую осуществляет тот, кто этим «пространством» владеет [7, р. 80–97].

На уровне концепта «доминион» во многом подобен «суверенному государству», принимая во внимание то, что он обретает себя не на политической карте мира, а на «метафизической» карте идей. К. Шмитт признавал

¹ Далее ссылки будут даваться по расширенному английскому изданию “The concept of the political / Carl Schmitt; translation, introduction, and notes by George Schwab; with “The Age of Neutralizations and Depoliticizations” (1929) translated by Matthias Konzen and John P. McCormick; with Leo Strauss’ notes on Schmitt’s essay, translated by J. Harvey Lomax; foreword by Tracy B. Strong. – Expanded edition”.

плюрализм таких «доминионов», поскольку те были способны не только сменять друг друга в течение времени, но и сосуществовать в «одновременности». Однако отличительной чертой именно «центрального доминиона» является претензия на диктовку своей воли другим «доминионам», попадающим от него практически в колониальную зависимость [7, р. 86]. Последнее выражается в том, что любая «проблема», возникающая в пределах любого периферийного «доминиона», автоматически начинает восприниматься через призму проблем «центрального доминиона». Соответственно, решаются эти «проблемы» не исходя из того, каким следовало бы быть этому решению согласно внутренней природе того доминиона, в котором проблемы возникли, а исключительно в логике видения реальности «центральным доминионом» [7, р. 86]. Таким образом, сам «центральный доминион» обладает достаточными властными полномочиями для того, чтобы самостоятельно выступать «актором» на политической арене, используя как национальные государства, так и целые империи в качестве ретрансляторов его воли окружающим его акторам – более склонным к слепому заимствованию, легко восприимчивым «пространствам мысли».

К. Шмитт выделял пять основных «центральных доминионов» в истории Запада, которые, начиная с эпохи Возрождения, господствовали в мировом масштабе, сменяя друг друга по очереди. Четыре из них вполне могут быть проанализированы в исторической ретроспективе, тогда как пятый во многом продолжает структурировать современность, выстраивая систему ценностных координат. В качестве первого «доминиона» он выделял теологическое видение мира (XVI в.), его сменила сциентистски-рационалистическое видение (XVII в.). Оно было в свою очередь вытеснено этическим гуманизмом (XVIII в.), на смену которому пришла экономическая призма интерпретации реальности (XIX в.) [7, р. 86–87]. Что касается пятого «доминиона», который ознаменовал собой, согласно К. Шмитту, приближение всеобъемлющей эры «нейтрализации и деполитизации», то он имеет сугубо «технический» характер (*technicity*) [7, р. 87–91]. Это означает, что его суть сводится не только к признанию технического развития и собственно «техники» в качестве основополагающих факторов «прогресса», а также и то, что решение любых проблем и спорных вопросов должно происходить с помощью сугубо «технических» средств.

Таким образом, даже подлинно политические проблемы, попадая в сферу влияния пятого «центрального доминиона», все без исключения подвергаются тотальному переосмыслению по заданным лекалам, вследствие чего выводятся из политического поля, то есть перестают быть собственно «политическими». Однако подобная «деполитизация» на практике не влечёт за собой «нейтрализацию» и сглаживание противоречий. Дело в том, что, будучи вытесненными из пространства человеческого бытия и ввергнутыми в пространство «техники», проблемы не только не исчерпывают себя, но и обретают себя в новом пространстве сражений и битв [7, р. 86–87].

Именно по этой причине политический по своей природе феномен «smart power» (власть – неотъемлемый элемент политической онтологии) как политический концепт интерпретируется в качестве технического инструмента, единственное предназначение которого – способствовать снятию

сиюминутных противоречий в функционировании какой-либо системы или стратегии. Если же рассмотреть потенциал концепта вне зависимости от власти центрального «доминиона», то с феноменологической точки зрения «smart power» следует трактовать уже не как «умную силу» а как «*власти Ума*» (как «power of Smart»). Феномен «Ума» в данном случае непосредственно связан с доминирующей идеей (мыслью), которая господствует над другими идеями и правит «пространством», в пределах которого она развивается и развёртывается. Таким образом, ответ на вопрос, *кто* или *что* является источником или ресурсом «smart power» (как «power of Smarts»), будет следующим: им являются не столько политические элиты или истеблишмент, сколько «центральный доминион».

1. Най С. Дж. Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. – 444 с.

2. Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века / под ред. Т.А. Алексеевой, И.К. Пантина, Е.А. Самарской, М.М. Фёдоровой. – М.: Идея-Пресс, 2009. – 224 с.

3. Моисеенко Я.Ю. Ресурсы и инструментарий интеллектуального колониализма: введение в теоретический анализ // Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке: монография / Шаронова С.А. и др.; [под ред. доктора социологических наук С.А. Шароновой и кандидата философских наук Н.В. Трубниковой] – М.: РУДН, 2017. С. 33–61.

4. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 400 с.

5. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: Российский Христианский Государственный Университет, 2001. – 239 с.

6. Heidegger M. Being and Time / translated from German by John Macquarrie and Edward Robinson. Blackwell Publishers Ltd 108 Cowley Road Oxford OX4 UF, UK, 1967. 589 p.

7. Schmitt K. The Concept of Political / Carl Schmitt; translation, introduction, and notes by George Schwab; with “The Age of Neutralizations and Depoliticizations” (1929) translated by Matthias Konzen and John P. McCormick; with Leo Strauss’ notes on Schmitt’s essay, translated by J. Harvey Lomax; foreword by Tracy B. The University of Chicago Press, Ltd., London, 2007. – 159 p.

8. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

References

1. Naj S. Dzh. Budushhee vlasti / per. s angl. V.N. Verchenko. M.: AST, 2014. – 444 s.

2. Politicheskoe kak problema. Ocherki politicheskoy filosofii XX veka / pod red. T.A. Alekseevoj, I.K. Pantina, E.A. Samarskoj, M.M. Fyodorovoj. – M.: Ideya-Press, 2009. – 224 s.

3. Moiseenko Ya. Yu. Resursy i instrumentarij intellektual'nogo

kolonializma: vvedenie v teoreticheskij analiz // Intellektual'nyj kolonializm na global'nom obrazovatel'nom rynke: monografiya / Sharonova S.A. i dr.; [pod red. doktora sociologicheskix nauk S.A. Sharonovoj i kandidata filosofskix nauk N.V. Trubnikovoj] – M.: RUDN, 2017. S. 3–61.

4. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – 400 s.

5. Sokuler Z.A. Znanie i vlast': nauka v obshhestve moderna. – SPb.: Rossijskij Xristianskij Gosudarstvennyj Universitet, 2001. – 239 s.

6. Heidegger M. Being and Time / translated from German by John Macquarrie and Edward Robinson. Blackwell Publishers Ltd 108 Cowley Road Oxford OX4 UF, UK, 1967. 589 p.

7. Schmitt K. The Concept of Political / Carl Schmitt; translation, introduction, and notes by George Schwab; with “The Age of Neutralizations and Depoliticizations” (1929) translated by Matthias Konzen and John P. McCormick; with Leo Strauss’ notes on Schmitt’s essay, translated by J. Harvey Lomax; foreword by Tracy B. The University of Chicago Press, Ltd., London, 2007. – 159 p.

8. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s.

UDC 316.77

PHENOMENOLOGY OF «SMART POWER»: CRATOLOGICAL ASPECT

Moiseenko Yan Yurevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Post-graduated student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Annotation

This article describes “smart power” from a phenomenological point of view, which makes possible to identify reasons why the conceptual design of “smart power” in contemporary political science is certainly one-dimensional. The theory of Schmitt’s “central domains” is elucidated in order to bring the cratological aspect of “smart power” into the forefront. When examined through Schmittian lenses, “smart power” appears to gain its additional dimension as “power of Smarts”.

Key concepts:

phenomenology, political ontology, smart power, soft power, central domains.
